

Р о с с и й с к а я
национальная премия

«*Поэт*»

К
Л
О
Е
Т
М

*Общество поощрения
русской поэзии*

Ф о н д
«Энергия будущего»

МОНЕТО

*Инна
Лиснянская*

В честь
присуждения
Российской
национальной
премии
«Поэт»

2 0 0 9

К
Л
О
Е
Т
Ш
Т

© Валерий Калныньш, макет, оформление, 2009

© «Время», 2009

ПРОЭТИ

Российская национальная премия «Поэт» была создана Обществом поощрения русской поэзии при поддержке РАО «ЕЭС России» в апреле 2005 как награда за наивысшие достижения в современной русской поэзии. Учредителем премии является Общество поощрения русской поэзии. Постоянным партнером премии было РАО «ЕЭС России». С 2009 года эта роль перешла к Фонду «Энергия будущего».

Согласно статусу премии, ею могут быть награждены ныне живущие поэты, пишущие на русском языке, безотносительно к их национальности и месту проживания. Премия может быть присуждена одному лицу только один раз. Разделение премии между двумя или более лауреатами и присуждение премии посмертно не предусматривается.

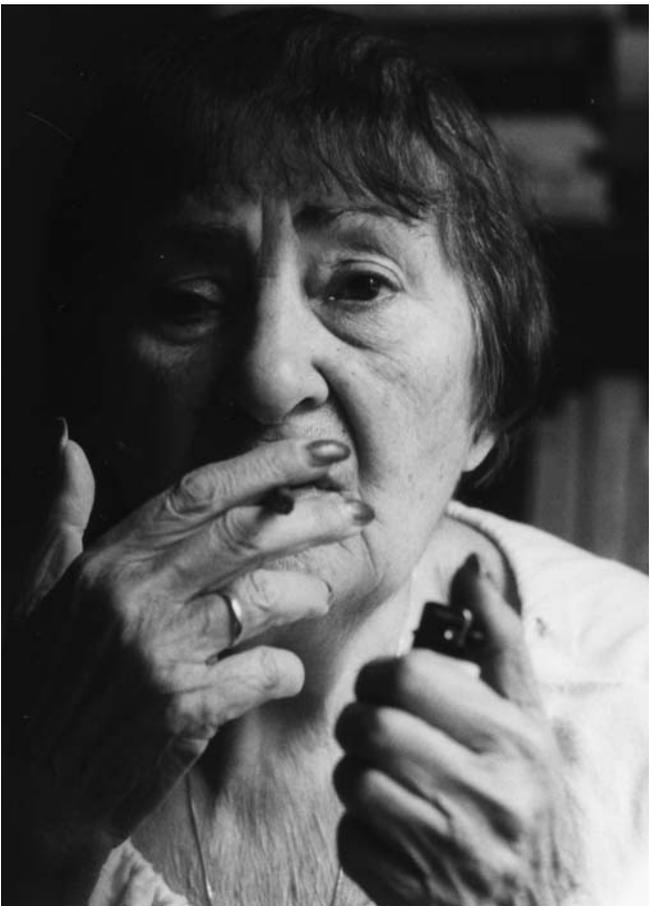
Право номинации (выдвижения на соискание премии) принадлежит членам Попечительского совета Общества поощрения русской поэзии, созданного по инициативе группы литературных критиков и литературоведов. В состав Попечительского совета входят также лауреаты премии «Поэт» прежних лет.

Имя лауреата определяется тайным голосованием жюри, состоящего из членов Попечительского совета, либо формируемого по его решению.

Лауреату премии «Поэт» вручаются диплом, нагрудный знак и денежное вознаграждение, сумма которого эквивалентна 50 000 долларов США.

Помимо присуждения Российской национальной премии «Поэт» Общество поощрения русской поэзии ведет широкую деятельность по привлечению общественного внимания к современной поэзии.

www.poet-premium.ru

murphy

Инна Лиснянская

двадцать шесть
стихотворений

К
Л
О
Е
Т
Т

* * *

Забвенья нету сладкого,
Лишь горькое в груди, —
Защиты жди от слабого,
От сильного не жди.

Такое время адово
На нынешней Руси —
Проси не у богатого,
У бедного проси.

Наглядны все прозрения,
Все истины просты, —
Не у святых прощенья,
У грешников проси.

Мироты

* * *

Я и время — мы так похожи!
Мы похожи, как близнецы,
Разноглазы и тонкокожи...
Ну, скажи, не одно и то же
Конвоиры и беглецы?!

Ярко-розовые ладони,
Каждый светится капилляр, —
Я — в бегах, а оно — в погоне,
У обоих мир двусторонний —
Там наш пепел, а здесь пожар.

Я и время — мы так похожи!
Врозь косые глаза глядят...
Как ты нас различаешь, Боже?
Ну, скажи, не одно и то же
Взгляд вперёд или взгляд назад?!

Преимущества никакого
Ни ему не дано, ни мне,
Лишены очага и крова,
Мы бежим, как за словом слово
В обезумевшей тишине.

* * *

Зачем, опершись о порог,
Часа эдак три иль четыре
Трёт замшевой тряпкой сапог
Тишайший сосед по квартире?

Зачем в коммунальном аду
Где все наши песенки спеты,
Выкрикивает какаду
Название центральной газеты?

Зачем тугодум-управдом,
На восемь настроив будильник
И сунув его в холодильник,
В шкафу удавился стенном?

Как сны, обрываются дни,
И есть жесточайший порядок
И в том, что безумны они,
И в том, что они без загадок.

ПЫЛЕСОС

Олегу Чухонцеву

Какое несчастье, что я научилась смеяться!
Как быть и что делать — уже не задам я вопроса.
С тахты поднимаюсь, когда начинает смеркаться,
И движусь по миру, держась за кишку пылесоса.

Гуди и заглатывай всё, что незримо и зримо:
И совесть, и память, и грифель толчёный, и пудру,
Отрепья сознания и струпья отпавшего грима, —
Всё это уже ни к чему мировому абсурду!

Заглатывай косточку яблока — весточку рая!
Какая потеха — вечерняя наша морока, —
В единое нечто разрозненный сор собираем
В том хаосе, где и пылинка — и та одинока!

Своей насыщаться работой — не это ль порядок?
Гуди, пылесос, и заглатывай свежую пищу! —
Засохшие бабочки, хлопья истлевших тетрадок
И пепел табачный, и пепел того пепелища,
Где я научилась смеяться...

ЦВЕТАЕВОЙ

Легка твоя посмертная кровать,
У смерти времени не занимать,
Здесь есть досуг над жизнью поразмыслить:
Родится гений, чтоб ничтожного возвысить,
Ничтожный — чтобы гения попрасть.

Многие

РАЗГОВОР

— Почто, собрат Арсений,
Нет от тебя гонца,
Ни весточки весенней,
Ни почтой письмаца?

— А я сижу на тучке,
Здесь дивные места,
Да жалко — нету ручки
Для синего листа.

— Но раз меня ты слышишь,
Пришлю я сизаря,
Крылом его напишешь
Про дивные края.

— Живу я на воздушях,
Где всё, как мир, старо,
Пришли мне лучше с гуся
Державина перо.

— Про этот мир, Арсений,
Всё сказано, а твой
В прекрасном остраненьи
От плоти мировой.

— И здесь ранжир устойчив
Не плоти, так души...
Грущу о звёздах ночи, —
Как вспомню — хороши!

— Неужто нет в пределе
Твоём цариц ночей?
— Скажи, а в бренном теле
Наш дух звезды ярчей?

— Дух светится незримо.
Слова имеют вес.
— А ты неизлечима
От шелухи словес.

— Спрошу тебя попроще,
Однако не грубя:
Там, где Господни рощи,
Кем чувствуешь себя?

— И здесь, под райской сенью,
Я убедиться мог,
Что я, Его творенье, —
Царь, червь, и раб, и Бог.

— И звездочёт! И вправе
Был вывезти в гробу
Свою, в стальной оправе,
Подзорную трубу.

— Без груза спать удобней,
Да я и не ропщу,
О звёздах, как сегодня,
Я изредка грущу.

— Но лишь звезда о крышу
Споткнётся в тишине,
Во сне тебя я слышу.

— И я тебя — во сне.

ВОРОБЕЙ

Ах, воробушек, как ты продрог!
Превратился в дрожащий комок,

Бедный мой, ты мокрее, чем дождь,
И твоя тёмно-серая дрожь

Равносильна скорбям мировым
И становится сердцем моим.

ТРИПТИХ РАССТОЯНИЯ

1

От ума до сердца дальше,
Чем от сердца до ума, —
Эта истина не старше
И не младше, чем зима,
Где пути столкнулись наши
И сомкнулись наши сны, —
И содвинули мы чаши
Ликованья и вины...

2

От зимы до лета дальше,
Чем от лета до зимы,
Но с тобой об этом раньше
Не догадывались мы.
В наши маетные годы
Жизнь измерить не могла
Путь от белой непогоды
До лилового тепла,
Где на перекрёстке лета
Над четой могильных плит,
В плоской шапке из вельвета
Пижма жёлтая стоит,
И татарник, отцветая,
В серый кутается мех...
Жизнь, и нами прожитая,
Не мигая смотрит вверх.
Там всё то, что с нами было,
Там, боясь извечной тьмы,
Ходит маятник светила
От зимы и до зимы.

3

От земли до неба дальше,
Чем от неба до земли,
Это знали мы и раньше,
Но предвидеть не могли,
Что и тверди мы содвинем,
В час содвинув роковой
Наши души в небе синем,
Наши руки под землёй.

В ГРОЗУ

Что мне делать в такую грозу?
Пахнет молния мокрой сиренью
И в больные глаза населенью
Запредельную сеет росу.

Что воскликнуть под этакий гром?
Мы росой, а не кровью умыты
И давно и настолько убиты,
Что уже никогда не умрём.

Молния

НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО

Кто говорит, что мы должны страдать,
Уязвлены терновою занозой,
Когда звезда умеет так сиять
И пахнуть осликом и розой.

Кто дарит блеск рассветного луча
Звезде, напоминающей о розе, —
И ночь тепла, как с царского плеча
Соболя шуба на морозе.

Что нужно яслям прежде и потом? —
Избыток сердца и остаток сенца.
И связаны друг с другом мы крестом,
Как пуповиною Младенца.

* * *

Душа не в занозах и плоть не в заносах, —
Зимою и летом бытую прекрасно,
Я есть пустота, сквозь меня, как сквозь воздух,
Проходит всё то, что движенью причастно, —

И стая гагачья, и стадо бизонов,
Небесные струны, и время, и люди, —
В лавровых, в терновых венках и без оных,
Заблудшие в правде, завязшие в блуде.

Всё то, что идёт, об меня не споткнётся,
И мне на идущее не опереться,
Но чьё-то дыханье во мне остаётся,
И чьё-то во мне разрывается сердце.

Многи

Из цикла «ГИМН»

1. В ВАННОЙ КОМНАТЕ

Я курю фимиам, а он пенится, словно шампунь,
Я купаю тебя в моей глубокой любви.
Я седа, как в июне луна, ты седой, как лунь,
Но о смерти не смей! Не смей умирать, живи!

Ты глядишь сквозь меня, как сквозь воду владыка морей,
Говоришь, как ветер, дыханьем глубин сквозя:
Кто не помнит о гибели, тот и помрёт скорей,
Без раздумий о смерти понять и жизни нельзя.

Иноземный взбиваю шампунь и смеюсь в ответ:
Ты, мой милый, как вечнозелёное море, стар...
На змею батареи махровый халат надет,
А на зеркале плачет моими слезами пар.

2. В ЛЕСУ

У тебя в глазах вековечный растаял лёд,
У меня в глазах вековая застыла темь,
По-научному мы как будто — с катодом анод,
По-народному мы — неразлучны, как свет и тень.

Я — жена твоя и припадаю к твоим стопам, —
Увлажняю слезами и сукровицей ребра,
Из которого вышла, а ты, мой свет, мой Адам,
Осушаешь мой лоб, ибо почва в лесу сыра.

Много тысячелетий прошло с тех эдемских пор,
Лишь любовь не прошла, потому что одна она —
Суть пространства и времени. А троянский раздор
И война, как и ныне, — из за золотого руна.

Прежде — шерсть золотая, теперь — золотой песок...
Ради красного слова любовь называли певцы
Всех несчастий причиной (любовь возвышает и слог),
Но от лжи и у римской волчицы отсохли сосцы.

И певцы — ни при чём. За словцо я цепляюсь сама,
Как сейчас уцепилась за клюквенные персты...
Ах, мой свет, твоя тень не умрёт от большого ума,
А беззвучно исчезнет, как только исчезнешь ты.

3. У ЯФФСКИХ ВОРОТ

Я — твоя Суламифь, мой старый царь Соломон,
Твои мышцы ослабли, но твой пронизателен взгляд.
Тайны нет для тебя, но, взглянув на зелёный склон,
Ты меня не узнаешь, одетую в платье до пят,
Меж старух, собирающих розовый виноград.

И раздев, — не узнал бы, — как волны песка мой живот,
И давно мои ноги утратили гибкость лоз,
Грудь моя, как на древней пальме увядший плод,
А сквозь кожу сосуды видны, как сквозь крылья стрекоз.
Иногда я тебя поджидаю у Яффских ворот.

Но к тебе не приближусь. Зачем огорчать царя?
Славен духом мужчина, а женщина — красотой.
От объятий твоих остывая и вновь горя,
Наслаждалась я песней не меньше, чем плотью тугой,
Ведь любовь появилась Песне благодаря.

Ах, какими словами ты возбуждал мой слух,
Даже волос мой сравнивал с солнечным завитком...
Для бездушной страсти сгодился бы и пастух.
Но ведь дело не в том, чтоб бурлила кровь кипятком,
А чтоб сердце взлетало, как с персиков спелый пух.

Я вкушала слова твои, словно пчела пыльцу,
Неужели, мой царь, твой любовный гимн красоте,
До тебя недоступный ни одному певцу,
Только стал ты стареть, привел тебя к суете —
К поклоненью заморскому золотому тельцу?

В стороне от тебя за тебя всей любовью моей
Постоянно молюсь. И сейчас в тишине ночной
Зажигаю в песчаной посудине семь свечей,
Раздираю рубаху и сыплю пепел печной
На седины: Царя укрепи, а тельца забей!

4. В НОВОМ ИЕРУСАЛИМЕ

И ещё любви своей осознать не успев,
И ещё кольца обручального не надев,
Повторяла тебе стихи твои нараспев,

На распев ребристого времени, на мотив
Синеструнного моря и златострунных нив,
На мелодию ветра и серебристых ив,

На железную музыку транспортных средств и на
Колокольную музыку, что мне была слышна
Лишь в стихах, прорицающих лучшие времена, —

Я с печальной надеждой внимала твоим словам,
Что ещё доживём, что ещё доведётся нам
Лицезреть, как взойдёт на Руси многолюдный храм

Из глубин сознания, из Валаамских купин,
Из церквей обезглавленных, из тюремных годин,
Где законов — тьма, а человек один.

Нет, не в полной мере твои прорицанья сбылись,
Ибо скорость паденья стремительней скорости ввысь,
Да и дело всякое медленнее, чем мысль.

Всё же добрые помыслы — это тоже дела,
И об этом как раз извещают колокола,
До которых ты дожил и я с тобой дожила.

Наши дни с тобою — то пиршества, то — посты.
Я молюсь на тебя, а Богу молишься ты,
Потому-то меж нами тремя нет пустоты, —

Есть шмелиный бас на дико растущих цветах,
Соловиный тенор на вековых верхах,
Под которыми чувства учусь уместать в стихах.

Ничего из любви и в старости не ушло, —
Ты, как прежде, нежности шепчешь мне на ушко, —
И как Парка вдевает нитку судьбы в ушко,

Так в кольцо обручальное я продеваю строку. —
И восторг прикрепляю к рифменному узелку:
Не встречала прекрасней тебя никого на своём веку!

5. НА САДОВОЙ СКАМЕЙКЕ

На садовой скамейке средь буйного сорняка
Дотемна в подкидного режемся дурака.
Старосветских помещиков в возрасте перегнав,
Что ещё могут делать два старые старика
В одичалые дни посреди некультурных трав?

Наши дни одичали от всяких бессильных забот —
Чем и как подпереть крыльцо и створки ворот,
Как дойти до аптеки, на что лекарства купить?
Всё же будь старосветскими — мы бы варили компот
Иль взялись подоконник геранью красной кропить.

За день мы устаём от чтенья газет и книг,
Но особенно от газет, где столько пиарских интриг.
Вот и режемся в карты. Но вот, дорогой, беда —
Ты в игре, как и в жизни, проигрывать не привык,
И ловчу, чтобы в дурочках мне пребывать всегда.

Ты, проигрывая, глядишь, как раненый тигр.
И война для мужчин, зная, одна из азартных игр
На аренах времён... Слава Богу, ты вышел живым,
Хоть попал в сталинградский в кровокипящий тигль...
Но ты к глупостям не прислушивайся моим.

Дама бубен — с цветком, с сердечком — дама червей,
Я трефовая и — твой лучший в судьбе трофей,
Хоть досталась легко, ты и в этом — козырный туз.
Вечерком мы играем, но утро-то — мудреней, —
По утрам мы сдаёмся на милость печальных муз.

6. РЕВНОСТЬ

В уходящую спину смущённо смотрю из окна...
Твоя ревность и трогательна, и смешна, —
Неужели не видишь, что я и стара, и страшна,
И помимо тебя никому на земле не нужна?

Ну какая тут трогательность и какой тут смех?
Ты от нашего крова, одетого в мшистый мех,
И от быта, сплошь состоящего из прорех,
Так и рвёшься, ревнуя, отвадить буквально всех.

А приходят к нам исключительно из доброты —
С крыши мох соскresti, кое-где подвинтить винты,
Да ещё приносят мне молодые цветы
В благодарность, что жив и мной обихожен ты.

А ещё и тайная есть корысть у гостей,
А вернее, мечта, — до старых дожить костей
И любимыми быть, и на склоне преклонных дней
Слушать гимны себе, что свежей любых новостей.

И ревнуют меня к тебе как любви пример,
Так что ты свою ревность бездумную поумерь,
Чтобы в мире, где столько зла и безумных потерь,
Всяк входящему я открывала с улыбкой дверь.

7. НАША ВСТРЕЧА

Дятел долбит по коре, — легко ль червяка добыть?
Я поднялась на заре и медлю тебя будить.
Своё ты отвоевал — у каждого свой мороз, —
Ты ладожский лед целовал и по волжскому полз.
А в морге был мой мороз, — пошла сирота в санчасть
Тянуть погребальный воз, чтоб с голоду не пропасть.
Есть сокровенный смысл в стыковке судьбы с судьбой, —
Чтоб разморозить жизнь, встретились мы с тобой.

8. ВЕРБНЫЙ ДЕНЬ

О, Русь моя! Жена моя!
Блок

Создал Бог небеса из белых своих одежд,
Создал землю из снега, снег во прах превратив.
А Лилит создана внутри адамовых вежд, —
Этот огненный сон для мужчин, конечно, красив,
Этот сон, как измена супруге, бывает свеж.

Повезло мне: Господь обошёл тебя сном о Лилит,
Вот и верен ты мне, как отчизне своей патриот,
И сетчатка твоя о Лилит никогда не грустит,
Лишь меня неизменно ты видишь все сны напролёт
Как желанный до дрожи, хотя не запретный плод.

А проснёшься — страдаешь, что так изменилась я,
Хоть твердишь, что былой не утратила красоты.
Посреди раскроя империи и рванья
Ты сберёг для меня прозорливой вербы кусты,
Потому что — жена я твоя, Россия твоя.

Желтопёрая верба цыплячий разинула рот,
Неужели способен благовестить птенец?
Но поёт, что Христос воскреснет, и к нам придёт,
И поможет снять с головы заржавелый венец,
И в одно соберётся рассеявшийся народ.

Снег сгорел, превратившись в питающий почву прах,
И над нами одежды Господние подсинены, —
Этот миф я узнала из книг и от певчих птах...
Ах, спасибо тебе, что веришь в красу жены,
Что Лилит не ночует в твоих сокровенных снах!

9. НАД ПРУДОМ

Милый мой, пусть хозяйки думают о зиме,
Ну а мне ни к чему, когда — вот здесь и сейчас
Все травинки, листочки и ряска, жизнью сочась, —
На зелёные буквы похожи в синем письме.

Может быть, из Одессы тебе, а мне из Баку
Есть привет, как бывало... И хоть за нами — Москва,
Мы грустим. А трава выводит «ква-ква»,
Мы грустим. А листва выводит «ку-ку».

Да, империя откуковала, и там, где мы
Родились, совершенно другие страны уже, —
Это мне не строкой, а осокою — по душе,
Это мне не оскомины от незрелой хурмы.

Там уже не цветёт на каштанах русская речь,
И по-русски уже не говорит инжир...
Некрасиво грустить, что распался имперский мир,
Но и чувством распада немислимо пренебречь.

Так что кстати пришлись о запасе к зиме слова, —
И тоску мою твой усекает душевный нерв,
Прежде чем затоскую... Не бойся — распада червь
Не коснётся меня — пока с тобой и жива.

Гул волны черноморской — в раковинах ушей
У тебя, а в моих — каспийской волны прибой,
Но печальную оду заканчиваю мольбой:
Хорошей, земля, из последних сил хорошей!

10. ПОД ПЕРЕПЛЁТОМ

Семёну Липкину

Если ты можешь проникнуть в мой сон, то смотри:
Вспышки зари, одуванчиков фонари...
Я проживаю в книге, светящейся изнутри,
В книге зелёной, поющей каждым листком
И треугольно поставленной вверх корешком.
Так в ней шумят письма, что птицы живут тишком!

Что подступает вплотную и что исчезает вдали?
Слушают птицы, жуки, стрекозы, шмели
То, что поют изумрудные стены грешной земли
На языке есенинских зябких осин,
И на цветаевском выкрике красных рябин
О переплёте событий, где случай всему господин.

В книге зелёной живу, и синий её переплёт
Мне намекает, что гибель — тоже исход,
Что, если нашим дыханьем растенье живёт,
То почему не считать, что пророков закланная кровь
Не перешла в зелёные жилы... Даже иван-да-марья любовь
Жертвенно сеет в землю свою лиловь.

Тем уж чудесна земля, что небо — есть нимб её.
Ах до чего же призрачно в книге моё жильё,
Где я латаю иголкой еловой твоё бельё.
Но понимают и птицы, что дух не нищ и не гол,
Если есть Осип Эмильевич — лучший на свете щегол.
В книге бытую, где пух одуванчиков выстелил пол.

В МАЙСКОМ САДУ

1

Смотришь на дерево — видишь сплошную зелень.
Это ошибка — каждый листок отделен,
Зелень — толпа, но каждый листочек — личность, —
И злободневность своя, и своя античность.

Ах, это дерево, ах, это дерево в мае,
С плотностью населения, как в Китае,
Знает о смене времени, но не места.
Мне ж постоянство места — призрак ареста.

Дерево и не желает менять привычек,
Хоть о различных краях узнаёт от птичек.
Так для чего мне страдать, принимая за пытку
То, что ни шагу не делаю за калитку?

Разве я дерева лучше, мудрее листочка?
Так для чего мне дорожная заморочка?
И соловей мне внушает, что сад не тесен
Для неподвижно зачатых, но вольных песен.

В каждом листочке мысль о первопричине
Первого сада и о его кончине,
Каждое дерево — повод для размышленья, —
Это ль пустое времяпрепровожденье?

2

Соловьи, мой друг, соловьи.
Се ля ви, мой друг, се ля ви.

И сирень не знает о том,
Почему ты забыл мой дом.

Фиолетов ветвей напор,
Перекинут через забор, —

И сирень пробирает дрожь,
Всякий раз, как мимо идёшь.

3

Брачная ночь листвы и дождя,
Шорох и шелест.
Сад, вожделением изойдя,
Шёлков и перист.

И неожиданно, как божество,
Лунное млеко.
Кроме любви, и нет ничего
У человека.

ЕЛЕНЕ МАКАРОВОЙ

Что за время удалое?
Алый бант в косе алоэ
Там, где ты, моё дитя.

Здесь, где я, твоё былое
Машет, по небу летя,
Машет крылышком берёзы
Сквозь невидимые слёзы,
Но сквозь видимый туман.
Красный цвет, вплетённый в косы...
Моря Мёртвого стакан...
А на дне того стакана,
Как ни глупо, как ни странно,
Косу времени плетя,
Пребываю постоянно
Там, где ты, моё дитя.

Молодая

ПЕРВОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Электричество было открыто ещё при Адаме и Еве:
Он входил в её лоно так плотно, как штепсель в розетку.
Как светильники быта, плоды на познания древе
Загорались их страстью, приняв золотую расцветку
Волосков напряжённых, под коими синие вены
Трепетали разрядами молний. Оазис Востока
Заряжался их током соитъя в тот миг, как мгновенно
Плоть взлетала в экстазе сильнее, чем душа от восторга.
Наблюдали за ними все звери, и рыбы, и птицы,
Да и Змей наблюдал, распаляя в мозгу своём похоть.
Поднося Еве яблоко, так он сумел изловчиться,
Что от света плода засверкал искусителя коготь.
От Адама был Авель. От Змея, возможно что — Каин, —
И возможно, от змиева когтя пошла на земле вся недоля.
Всё возможно, пока размышления лед не оттаян
Той эдемскою вспышкой электромагнитного поля.

* * *

Не веруем. Но жаль души утраченной,
И чтобы пустота не пустовала,
Её мы забиваем всякой всячиной
Из дерева, пластмассы и металла.

И я ввожу предметные подробности,
Давясь то ли слезой, то ль запятою,
И лишь немногим достаёт способности
Ту пустоту оставить пустотою, —

А вдруг душа вспомнит и воротится
И не найдёт такого уголочка,
Куда б могла поставить Богородица
Корыто для Спасителя-сыночка.

Многие

* * *

К чему упрочивать нам случай?
Запомни только руки.
Лишь море зыбкое живуче
Да папоротник хрупкий,

Лишь взоры беглые понятны
Да полумрак пятнистый,
Да белые на небе пятна
Над почвой каменистой.

Все близкие — едва знакомы.
Запомни только имя!
Ещё мы встретимся, ещё мы
Успеем стать чужими...

о т р а ж е н и я

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

...Всегда — напряжённое душевное чувство, а если покой (редко) — то глубинный. Ничего искусственного, никакой позы — всегда отсердечная искренность. Душа автора дрожит, а стих — в лёгком спокойном дыхании и плотен, безупречен по форме. Чувства передаёт лаконично, малыми деталями, иногда вторичными, третичными, даже исчезающими намёками, ничего прямо-грубо. Стихи всегда кратки (как это хорошо!), а в них — законченная мысль, чувство, образ, а то и афористические строчки. И за метафорами — нет никакой нарочитой погони, измышления их.

Видно, много пришлось Вам пережить, а все боли и раны преодолены неуклонной силой духа. Из «душеломного мотива» вырастает осмысление жизни не только своей, но и вселенской...

Казалось бы: после Ахматовой и Цветаевой — до чего же нелегко проложить свою самобытность в русской поэзии, придать ей красок и быть значительной, — а Вам это удалось, и видно, что не по заданной программе, а просто, само по себе, как льётся.

Иосиф БРОДСКИЙ

Из того, что я читал в последние годы, стихи Лиснянской произвели на меня особое впечатление. Русский поэт, да и вообще поэт, — всегда продукт того, что написано до него, он начинает, отталкиваясь, или, наоборот, по принципу эха. Единственное эхо, которое я отчетливо различаю в стихах Лиснянской, — эхо ахматовское, и слава Богу. Она совершенно замечательный лирик, особенно в коротких стихах, — это стихи чрезвычайной интенсивности. Из всех русских поэтов, которых я знаю на сегодняшний день, Лиснянская, может быть, точнее, чем кто иной, пишет о смерти, — это действительно самое прямое отношение с «предметом», о котором она говорит. А это ведь одна из самых главных тем в литературе...

Семён ЛИПКИН

Я не удивился бы, если бы в книге Лиснянской прочёл нечто подобное строкам Верлена: «Что ты сделал, ты, что плачешь, с юностью своею?». Мне почему-то кажется, что Лиснянская ведёт свою родословную от тех французских поэтов, которых принято назвать «проклятыми». От них её «вдохновение и усталость», вера в Бога и неверие в себя, афористичность её печали и противоречивость её афористичности.

Повторяю: кисть твёрдая, жёсткая, не хочет автор приспособиться писать еловой иглой в воздушную тетрадь — вообще не хочет приспособливаться! Ещё раз убеждаешься в том, что нет изобразительных средств сильнее, чем подробности обнажённого быта, окрылённые мыслью и музыкой...

Между тем чувство гармонии, то, что Заболоцкий обозначил когда-то аббревиатурой МОМ (мысль, образ, музыка), развито у Лиснянской так, как оно должно быть развито у истинного художника.

Только художник, черпающий мужество в смирении и вере, может определить безумие наших дней, ничуть его не страшась, как порядок, пусть и жесточайший. И всё же загадка есть. Это загадка русского поэта. Через какие только муки ада не прошёл человек, а всегда оставался подобием Того, Кто создал его. Кто устами Своих поэтов говорил убийцам: «не волк я по крови своей, и меня только равный убьёт». И ещё говорил: «Смерть можно будет побороть усилием

воскресенья». И ещё говорил: «И в мире нет людей бесслезней, надменнее и проще нас». И даже та, чья поэзия родилась из чувства вины, говорит убийцам как сильная:

Не мучайте меня — умру от жалости,
Мне жалко вас, не мучайте меня.

Татьяна БЕК

Инна Лиснянская — ...если перефразировать известную формулу, «трагический лирик эпохи»... Пожалуй, ни один из крупных поэтов XX столетия не обладает столь естественной пластикой парадокса, позволяющей породнить антитезы и тем самым разрушать общие места — «чтобы от истины ходячей всем стало больно и светло»... Один из важнейших экзистенциальных уроков: личность способна состояться, лишь пройдя общий путь — с иллюзиями, с крахом, с ужасом и с верой вопреки всему, но — лишь преодолев опустошающую универсальность опыта.

Андрей Немзер

Поэзия Инны Лиснянской упорно противится жёстким определениям и строгим интерпретациям. С одной стороны, вроде бы совсем не трудно исчислить «ключевые темы» и выявить смысловые связи, организующие четыре цикла, что составили её новый сборник «В пригороде Содома»... Ну да, «Гимн» — это о счастливой любви в старости, соимённый книге раздел — о безумии времени, сострадании и боли, «Тихие дни и тихие вечера» — об одиночестве, а «Старое зеркало» — обо всём, что отражается на стеклянной глади. Но любовь сцеплена с болью и одиночеством, приют «старосветских помещиков» соседствует с обречённым мегаполисом, история кончающейся в муках империи имеет прямое касательство к судьбе поэта, а старое зеркало не только отражает дом, сад, лес, дорогу, мирозданье, прошедшее и грядущее, но и чудесным образом остаётся собой — обычным и волшебным старым зеркалом. Тут-то и начинается «с другой стороны», и, по-моему, это самое главное.

Лиснянская делает ощутимым самодостаточность всего, к чему прикасается её слово. Грань между «называнием» и «метафоризацией» исчезает...

Лиснянская не хочет застить кому-либо белый свет — потому и в самых горьких её стихах свет остаётся светом, цвет (красный, синий, золотой, зелёный) — цветом, а звук (будь то птичий щебет или гул самолёта) — звуком. Всё сущее живо, может одарить радостью и вызывает к состраданию.

Михаил РОЩИН

...Не прославлена. Не канонизирована. Не растиражирована. Не прочитана по-настоящему. Не доиздана. Не расхvatана. Не-не-не-не — сколько угодно подобных «не»...

Мне ль не молчать? Я столько говорила —
И всё-то попусту, всё невпопад...
Словами зацветёт моя могила,
Но сорными, как одичалый сад.

Ах нет, Инна Львовна Лиснянская, не сорными зарастёт, не сорными. Самыми отборными, отобранными, отшлифованными и огранёнными, будто бриллианты, —

Живыми-преживыми, цветущими всегда свежо и ново.

Наталья ИВАНОВА

У выросшей в насыщенном южными и восточными дуновениями цивилизаций и культур, но советском Баку — изначально горькое понимание *жизни как процесса утраты*. Именно поэтому с первых лет серьёзных занятий поэзией обретается и серьёзная задача: не тратить попусту ни слов, ни рифм, ни ритма.

Постижение евангельских заповедей, христианского взгляда на мир шло через живейшее сотрудничество с евангельскими смыслами, установление своих законов — *против* законов «адова времени».

Очень сложная и острая тема у Лиснянской, тем более в той открытости, которую она выбирает, — это тема еврейства, христианства, отечества. Отечество — где? Баку? Кровь какая — армянская? Еврейская? Но здесь решает — сразу и окончательно — язык. Традиция русской классической поэзии, поэтому — Россия.

Из Ветхого и Нового Заветов черпать можно бесконечно, настолько они мудры и поэтичны, — и Лиснянская черпает. Это — вторая составная часть «происхождения» её стихов, наравне с русской поэтической классикой.

Инна Лиснянская пишет много, но стихи её лаконичны. Это парадокс души, непрерывно выпаривающей из обыденности соль существенного — поэзию.

Отчётливое, недвусмысленное и не игровое слово, вот что важно для Инны Лиснянской. Она ценит серьёзное высказывание, поэтически ясно сформулированное. Прозрачный итог. Никакого эзопова языка — что сказано, то сказано. Слово равно смыслу.

Вообще-то бытует мнение, что биологически поэт не в силах преодолеть тяготение возраста.

Лиснянская пишет чем дальше, тем чудеснее. Ей удалось перевернуть песочные часы. При этом она не изменяет своей поэтике, избранному стилю сдержанного и продуманного поэтического высказывания.

Александр АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Начав печататься ещё в 1949 году, Инна Лиснянская медленно, но неуклонно восходила к вершинам поэтического мастерства; без венка сонетов «В госпитале лицевого ранения», написанного в 1984-м (а напечатанного в России значительно позже), не обойдётся ни одна хрестоматия русской лирики XX века.

Всем жертвуя ради поэзии и ничем не поступаясь ради житейского блага, Лиснянская приобрела незыблемый литературный авторитет...

Дмитрий ПОЛИЩУК

...Настоящее и библейская древность просвечивают одно через другое, друг друга не отменяя. Благодаря этому изменяется диапазон звучания её стихов. На таком звучании — гимн Соломону — ответ старой новой Суламифи на царскую «Песнь песней».

...Таких стихов русская поэзия ещё не знала... уж никак не старческая жалоба, но — явление высокой, из каких-то других эпох любви, безотносительной ко времени и возрасту.

Станислав РАССАДИН

Инна Лиснянская — один из самых значительных поэтов нашего... снова спрошу: безвременья? Времени? Как бы то ни было, она с редкостным чувством достоинства обустроила свой трагически спокойный мир, где само безвременье обрело определённую форму времени. Того, в котором поэту удаётся не только жить, не унея и ужасаясь, но, ощутив своё двойничество с ним, взять на себя вину и беду двойника-близнеца. («...Лишены очага и крова, / Мы бежим, как за словом слово/ В обезумевшей тишине»). Расширить своё болевое поле, став, захотев стать мишенью, — и притом уговаривать нас и себя: «Мне хорошо...»

Роуэн УИЛЬЯМС

(Rowan WILLIAMS)

For Inna Lisnianskaya

Barefoot, down the long woodland corridors of frost,
over the needles, walks the forgotten
mistress of the kind. She smells of grapes,
candles, black furs, of cooking smells
and smoke in a cramped flat. She will disturb
the clinical forest air with haze
and trembling. In the shining kingdom,
in the rich winter malls, she opens for business
with a stall of odds and ends, cheap and irregular,
and scented with a lost indoors. *Don't beg,*
she says, from the rich, only the poor;
get absolution from the sinner, not the saint.

Книги ИННЫ ЛИСНЯНСКОЙ

МОНЕТА

Дожди и зеркала: Стихи. *Paris: YMCA-press, Corp., 1983.*
На опушке сна. *Ann Arbor: Ардис, 1985.*
Ступени: Поэма. *М.: Прометей, 1990.*
Воздушный пласт. *М.: Правда, 1990.*
Музыка «Поэмы без героя» Анны Ахматовой. *М.: Художественная литература, 1991.*
Стихотворения. *М.: Советский писатель, 1991.*
После всего. *СПб.: Пушкинский фонд, 1994.*
Одинокий дар. *Париж—Москва—Нью-Йорк: Третья волна, 1995.*
Шкатулка с тройным дном: Об А. А. Ахматовой и М. И. Цветаевой. *М., 1995.*
Из первых уст: Избранные стихотворения. *М.: Изограф, 1996.*
Ветер покоя: Новые стихотворения. *СПб.: Пушкинский фонд, 1998.*
Избранное. *Ростов-на-Дону, 1999.*
Вместе. *М.: Грааль, Русский путь, 2000 (совместно с С. Липкиным).*
Музыка и берег: Книга новых стихотворений. *СПб.: Пушкинский фонд, 2000.*
При свете снега: Стихотворения. *СПб.: Пушкинский фонд, 2001.*
В пригороде Содома. *М.: ОГИ, 2002.*
Одинокий дар: Стихи, поэмы. *М.: ОГИ, 2003.*
Без тебя: Стихи. *М.: Русский путь, 2004.*
Иерусалимская тетрадь. *М.: ОГИ, 2004.*
Эхо: Стихотворения. *М.: Время, 2005.*
Хвастунья: Воспоминания, проза. *М.: Вагриус, 2006.*
Шкатулка, в которой стихи и проза. *М.: Рус. міръ, Московский учебник, 2006.*
Сны старой Евы. *М.: ОГИ, 2007.*
Птичьи права. *М.: АСТ, Хранитель, 2008.*

**П о п е ч и т е л ь с к и й   с о в е т
о б щ е с т в а   п о о щ р е н и я   р у с с к о й   п о э з и и**

**Ж ю р и   Р о с с и й с к о й
н а ц и о н а л ь н о й   п р е м и и   « П о э т »**

МОНЕТО

Дмитрий Петрович Бак

критик, профессор,
проректор РГГУ;

Николай Алексеевич Богомолов

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой литературной критики МГУ;

Яков Аркадьевич Гордин

писатель, историк, соредактор
журнала «Звезда» (Санкт-Петербург);

Тимур Юрьевич Кибиров

лауреат национальной премии «Поэт»
2008 года

Александр Семенович Кушнер

лауреат национальной премии «Поэт»
2005 года (Санкт-Петербург);

Александр Васильевич Лавров

доктор филологических наук, профессор,
академик РАН (Санкт-Петербург);

Самуил Аронович Лурье

критик, член редколлегии
журнала «Звезда» (Санкт-Петербург);

Андрей Семенович Немзер

критик, профессор Высшей школы экономики;

Олеся Александровна Николаева

лауреат национальной премии «Поэт»
2006 года;

Владимир Иванович Новиков

критик, писатель,
доктор филологических наук, профессор МГУ;

Ирина Бенционовна Роднянская

критик, член редколлегии
журнала «Новый мир»;

Сергей Иванович Чупринин

доктор филологических наук, профессор,
главный редактор журнала «Знамя»;

Олег Григорьевич Чухонцев

лауреат национальной премии «Поэт»
2007 года.